

В ПОИСКАХ ПРАРОДИНЫ ДРАВИДОВ

(Лингвоархеологический анализ).

В настоящее время по своей численности дравиды являются второй после индоариев группой населения Южной Азии, где они расселены весьма неравномерно. Основная масса дравидоязычного населения — южные дравиды (тамилы, малаялам, каннада, телугу и др.) — обитают в индийских штатах Андхра-Прадеш, Карнатака, Тамилнад, Керала. Севернее от восточных районов Махараштры через Мадхья-Прадеш до Южной Ориссы встречаются отдельные группы центральных дравидов (гонди, конда, колами, парджи и др.). На крайнем северо-востоке дравидского массива, в Южном Бихаре и Северной Ориссе, обитают северо-восточные дравиды (курухи или ораоны и малто), а на западе, в Западном Пакистане и южных районах Афганистана и Ирана, — северо-западные дравиды (брагуи).

Дравидийские языки распадаются на семь групп, во внутреннем единстве которых исследователи, как правило, не сомневаются. Эти группы таковы: 1) южная: тамильский, малаялам, тода, каннада и др.; 2) юго-западная: тулу, корага и беллари; 3) группа колами: колами, найки;

4) центральная группа: парджи, галаба; 5) гондванская группа: гонди, конда, пенго, куви и др.; 6) северо-восточная группа: курух, малто; 7) северо-западная группа: брагуи¹.

Известно несколько попыток выяснения взаимосвязей между этими группами², однако общепринятой внутренней классификации дравидийской языковой семьи пока нет, что непосредственно связано с уровнем сравнительно-исторической изученности этой семьи языков. К настоящему времени в распоряжении исследователей имеется капитальный «Дравидийский этимологический словарь» Т. Барроу и М. Б. Эмеко³, где в сравнительном плане подробно изучена лексика практически всех известных науке дравидийских языков. Отметим, что этимологические словари, выполненные на таком высоком научном уровне, для большинства других языковых семей мира отсутствуют. Напротив, детально разработанной сравнительной фонетики и тем более грамматики дравидийских языков пока нет⁴. Именно поэтому нет и надежно обоснованной генетической классификации этих языков.

Лексико-статистический анализ⁵ дравидийских языков позволил выделить в их составе две основные ветви: северо-восточную, состоящую из двух близкородственных языков курух и малто (группа 6), и центрально-южную, включающую группы 1—5, т. е. основную массу дравидийских языков. Не исключено, что язык брагуи (группа 7) может образовывать третью — северо-западную ветвь, но сильное иноязычное влияние затрудняет надежный анализ этого языка. Ясно лишь, что методами лексико-статистики не удается продемонстрировать существование специфической близости между языками брагуи и курух-малто или же подтвердить гипотезу о том, что брагуи является наиболее древним ответвлением дравидийской языковой семьи⁶.

По данным глоттохронологии⁷, распад общедравидийского языка (точнее, разделение северо-западной и центрально-южной ветвей) можно отнести приблизительно к рубежу IV—III тыс. до н.э. (XXX в. до н.э.). Центрально-южные языки распадаются приблизительно на 1000 лет позже, около XX в. до н.э.⁸

Согласно нестратической теории, дравидийская семья языков входит

¹ Шесть из семи названных групп приведены М. С. Андроновым. Группа колами объединена у этого исследователя с центральной, см. Андронов М. С. Дравидийские языки // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Задачи и перспективы. М., 1982.

² McAlpin D. W. Proto-elamo-dravidian: the evidence and its implications. Philadelphia, 1981; Андронов М. С. Из истории классификации дравидийских языков // Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982.

³ Burrow T., Emeneau M. V. A Dravidian etymological dictionary. Oxf., 1984.

Все приводимые ниже этимологии получены путем анализа данных этого словаря.

⁴ См., однако, Zvelebil K. Comparative Dravidian Phonology. The Hague, 1970; Андронов М. С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. М., 1978, и многие другие работы.

⁵ Впервые проведен М. С. Андроновым (Andronov M. S. Lexicostatistic analysis of the chronology of the disintegration of Proto-Dravidian // Indo-Iranian Journal. 1963. V. 7), выводы которого из-за увеличения объема фактических данных по многим языкам (колами, курух и др.) требуют уточнений.

⁶ См., например, Андронов М. С. Язык брагуи. М., 1971, и др.

⁷ Датировка приводится по уточненной методике С. А. Старостина (Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание и лексико-статистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1 М., 1989). М. С. Андронов (Lexicostatistic analysis...) для разделения северо-восточной и центрально-южной ветвей указывает дату XXV в. до н.э., а для отделения языка брагуи — XXX в. до н.э.

⁸ По М. С. Андронову (Lexicostatistic analysis...), постепенное распадение центрально-южной ветви началось с XVIII в. до н.э.

в состав ностратической макросемьи⁹, которая включает также ряд других языковых семей Старого Света: картвельскую, индоевропейскую, уральскую и алтайскую¹⁰. Есть некоторые основания локализовать прародину этой макросемьи на Ближнем Востоке и связывать начало дивергенции отдельных ностратических семей с процессами, наблюдаемыми в этом регионе в эпоху мезолита¹¹.

Возможность эламо-дравидийского языкового родства, которую достаточно убедительно, по нашему мнению, показал Д. Макальпин¹², также подтверждает западное происхождение дравидийских языков. Эламо-дравидийское единство должно было распасться где-то на Среднем Востоке не позднее V—IV тыс. до н.э. Лишь после этого дравидийские языки могли начать движение в Южную Азию.

К концу II тыс. до н.э. дравидийские языки были уже широко представлены в Индии, о чем свидетельствуют дравидо-индийские языковые контакты¹³. Более точная датировка контактов с индоарийскими языками требует специального изучения, выходящего за рамки настоящей работы.

Таким образом, все известные лингвистические данные позволяют говорить о передвижении дравидийских языков и, скорее всего, дравидийских народов в Южную Азию с запада в период с IV по II тыс. до н.э.¹⁴ Сказанному не противоречат и археологические данные, свидетельствующие о распространении неолитических и энеолитических культур по той же территории и в том же направлении. На этом основании некоторые археологи¹⁵ уже высказывали соображения о том, что определенные энеолитические культуры Среднего Востока могли быть созданы древними дравидами. Вместе с тем попытки использовать лингвистические и археологические данные для изучения этногенеза дравидов имели до сих пор, как правило, достаточно механистический характер¹⁶. По нашему глубокому убеждению, истинно комплексный лингвоархеологический подход должен прежде всего опираться на реконструкцию культурно значимой лексики праязыка. Именно эта лексика содержит важнейшие данные, во-первых, о природной среде в районе предполагаемой прародины, во-вторых, о существенных элементах культуры носителя праязыка, в-третьих, об их контактах с носителями иных языков и заимствованиях у них определенной культурной лексики. Все это доступно для проверки экстралингвистическими методами и при наличии соответствующих данных дает возможность для создания более надежных этнолингвистических реконструкций.

⁹ *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. 1. М., 1971. т. 2. М., 1976; т. 3. М., 1984. Ср., однако, иную точку зрения: *Андронов*. Из истории... и ее критику в работе: *Иллич-Свитыч*. Опыт... Т. 3.

¹⁰ Непосредственное включение афразийских (семито-хамитских) языков в ностратическую семью вызывает в последнее время определенные сомнения и требует специального рассмотрения.

¹¹ *Дыбо В. А., Пейрос И. И.* Проблемы отдаленного родства языков // Вестник АН СССР. 1985. № 2.

¹² *Дьяконов И. М.* Языки древней Передней Азии. М., 1964; *McAlpin*. Proto-elamo-draavidian...

¹³ *Kuiper F. B. J.* The genesis of a linguistic area // *Indo-Iranian Journal*. 1967. V. 10.

¹⁴ По М. С. Андронову (Из истории... С. 179), процесс распространения дравидийских языков из Афганистана (судя по приводимой карте) в Индию проходил после XXX в. до н.э. На чем основывается подобное предположение, нам неизвестно.

¹⁵ *Массон В. М.* Печати протоиндийского типа из Алтыи-Депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока) // ВДИ. 1977. № 4; *Fairservice W. A.* The roots of Ancient India. The archaeology of early Indian civilization. L., 1971.

¹⁶ Счастливым исключением из этого является статья: *Бонгард-Левин Г. М., Гурья Н. В.* Генезис дравидийской культуры (Вестник АН СССР. 1985. № 10), методологический подход которой является для нас некоторым образцом, хотя в отдельных частных выводах мы с этими авторами расходимся.

В настоящей работе делается попытка обработать предлагаемую методику на материалах, связанных с дравидским этническим массивом, прежде всего с центрально-южнодравидским (далее — ЦЮД) населением¹⁷.

Что можно сказать о природной среде, в которой обитали предки последнего до разделения ЦЮД ветви языков?

Природная среда Южной Индии многообразна. В целом этот район относится к палеотропическому царству, причем его северо-западная часть (Юго-Западный Пакистан, долина р. Инд и Северо-Западная Индия, включая Западный Раджастхан и прилегающие районы Пенджаба, Харьяны и Гуджарата) входят в состав Нубийско-Раджастханской подобласти, а остальная территория — в собственно Индийскую область этого царства¹⁸. Хребет Аравали, пересекающий Раджастхан по диагонали с северо-востока на юго-запад, является важной экологической границей, к западу от которой остается обширная зона пустынь, полупустынь и степей, а к востоку начинается абрал лесостепной и лесной растительности. В Индии встречаются леса разного типа¹⁹. Основную их массу составляют сухие тропические листопадные леса (СТЛ), широко распространенные во многих северных, центральных и южных районах Индии, и влажные тропические листопадные и полувечнозеленые леса (ВТЛ), располагающиеся в основном в восточных районах Индии, а также на севере вдоль отрогов Центральных Гималаев и на юго-западе у западной кромки плато Декан. Кроме того, в центральных районах плато Декан и в Северо-Западной Индии от полуострова Катхиявар до Пенджаба распространены низкорослые леса и саванны, где дикорастущая флора представлена колючими кустарниками. Сухие листопадные и колючковые леса протянулись узкой полосой и по берегам р. Инд, где они соседствуют с пустынной растительностью, примыкающей к долине Инда с запада и востока.

Известно, что в настоящее время основная масса населения, говорящего на ЦЮД языках, расселена в пределах СТЛ, а курухи и малто, т. е. носители языков северо-восточной группы, — в зоне ВТЛ. Анализ лексики ЦЮД языков позволяет предположить, что предки центральных и южных дравидов накануне распада их общего праязыка также обитали в зоне СТЛ. Об этом свидетельствуют следующие реконструируемые ЦЮД названия для флоры²⁰: *tek — 'тик' (*Tectona grandis*) [3452]; *tanri — 'терминалия' (*Terminalia* sp.) [3192]; *tump — 'хурма' или 'эбеновое дерево' (*Diospiros*) [3329]; *i — 'капок' (*Bombax* sp.) [495]; *ir — махуа (*Bassia longifolia*) [485]; *mark — 'манго' (*Mangifera* sp.) [4772 + 4782]; *tamar — 'лотос' (*Nelumbium* sp.) [3163]; *cur — 'ююба' (*Zizyphus*) [2730]; *nera — 'гвоздичный корень' (*Eugenia arnottiana* или *Syzygium cumini*) [2917]; *vetir — 'бамбук' [5485]. Есть несколько названий, которые в разных языках обозначают близкие по виду, хотя и различные растения, что затрудняет точную семантическую реконструкцию соответствующего корня. Это, например, *ar-, обозначающий в разных языках дерево пипал или ашваттху (*Ficus religiosa*), а также баньян (*Ficus benghalensis*) [382]. Другой ЦЮД термин со смешанным значением —

¹⁷ Н. В. Гуров называет эту общность «прадеканской» (Гуров Н. В. Лингвистическая археология и проблемы этногенеза и культуры дравидов // Тез. советских ученых к V Международной конф. по санскритологии. М., 1981; *Бонгард-Левин, Гуров. Ук. соч.* С. 71).

¹⁸ *Тазтаджян А. Л.* Флористические области земли. Л., 1978.

¹⁹ *Legris P.* La végétation de l'Inde: ecologie et flore. Toulouse., 1963.

²⁰ Номер сближения дается по этимологическому словарю Т. Барроу — М. Эмено. Напомним, что из-за отсутствия сравнительной фонетики предлагаемая реконструкция ЦЮД форм не слишком надежна и может отличаться от общепринятой.

это *toat-, обозначающий какое-то ползучее растение (*Carragus*, *Bryonia* или *Coccinia*) [3499 + 3500].

В целом подавляющее большинство перечисленных видов встречается главным образом в зоне СТЛ. Некоторые из них (ююба, ползучие растения) более засухоустойчивы и часто встречаются в зоне колючих кустарников, что может свидетельствовать о знакомстве с ней предков центрально-южных дравидов. В этом случае их прародину следовало бы искать где-то на границе СТЛ и зоны колючкового леса, т. е. в северо-западных и центральных районах Индии.

Как отмечалось выше, ЦЮД общность распалась на рубеже III—II тыс. до н.э. Закономерно поставить вопрос, насколько природная обстановка того времени напоминала современную. К сожалению, палеоклиматические исследования Южной Азии находятся еще в зачаточном состоянии, и вопрос о реконструкции древней природной среды остается остродискуссионным²¹. Как бы то ни было, имеющиеся данные не дают основания для утверждения о сколько-нибудь существенных климатических изменениях в Южной Азии на протяжении последних пяти тысячелетий, хотя некоторые колебания в уровне влажности здесь в это время отмечались. Есть данные, что в течение II тыс. до н.э. климат стал немного суше²², что могло в принципе проявиться в некотором сдвиге ареала СГЛ к востоку и к югу. Во всяком случае, находки древесины типичных для зоны СТЛ видов (тика и дальбергии) были сделаны на памятниках конца III — начала II тыс. до н.э., которые расположены к северу (Атранджикхера), северо-западу (Хараппа) и западу (хараппские поселки Кача) от современного ареала СТЛ. Однако сами по себе эти находки пока что не допускают однозначной интерпретации, так как они могут свидетельствовать либо о некотором сдвиге ареала СГЛ, либо об обмене ценной древесины между отдельными регионами, тем более что такого рода обмен для рассматриваемого периода фиксируется достаточно надежно²³.

В ЦЮД языке реконструируется обширный список названий представителей фауны: **ya*na — 'слон' [5161]; *ur — 'олень' [692]; **ma*g — 'большой олень' (замбар?) [4724]; **pu*l — 'тигр' [4307]; **pu*Ruk — 'дикая кошка' [4313 + 4298]; *ut — 'игуана' или 'муравьед' [592]; **mu*rk — 'мангуста' [4900]; **so*y — 'дикообраз' [2852]; **ma*suR — 'питон' [4793]; **ya*m — 'черепаха' [5155]; *to.t — 'хамелеон', или 'кровеносущая ящерица' [3501]; **sa*r — 'ящер' [2401]; **cu*r — 'пчела' [2689]; **uta*l — 'термит' [612]; **pa*mil [2902] — *ma[*ni*]l [4642] — 'павлин'; **ki*i — 'попугай' [1584].

В настоящее время все эти виды встречаются в зоне СТЛ, а некоторые из них водятся также и в соседних зонах (в сухом колючковом лесу, ВТЛ и т. д.)²⁴. Документально (по фаунистическим остаткам и изображениям) зафиксировано, что создатели хараппской цивилизации и обитатели неолитических поселков Центральной Индии были знакомы с такими видами из этого списка, как слон, тигр, разнообразные олени, мангуста, дикообраз, черепаха, павлин. Кроме того, известны хараппские

²¹ Singh G. The Indus valley culture seen in the context of postglacial climatic and ecological studies in Northwest India // *AphAO*. 1971. V. 6. № 2; *Vishnu-Mittre*. Palaeoecology of the Rajasthan desert during the last 10 000 years // *The Palaeobotanist*. Lucknow, 1978. V. 25; *Misra V. N.* Climate, a factor in the rise and fall of the Indus civilization — evidence from Rajasthan and beyond // *Frontiers of the Indus civilization*. New Delhi, 1984; *Pal Y., Sahai B., Sood R. K., Agrawal D. P.* Remote sensing of the «Lost» Sarasvati river // *Frontiers*...

²² *Dhavalikar M. B.* Toward an ecological model for Chalcolithic cultures of Central and Western India // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1984. V. 3. № 2. P. 144.

²³ *Choudhury K. A., Ghosh S. S.* Plant remains from Harappa // *Al*. 1951. № 7; *Vishnu-Mittre*. Origin and history of agriculture in Indian subcontinent // *JHE*. 1978. V. 7. № 1.

²⁴ *Prater S. H.* The book of Indian animals. Bombay, 1971.

изображения попугаев и змей²⁵. Судя по экологическим и палеозоологическим данным, еще в недавнем прошлом ареалы многих животных, фигурирующих в ЦЮД списке, достигали на западе горных районов Белуджистана. Следовательно, исходя из этой фаунистической информации, ареал, в пределах которого следует искать гипотетическую ЦЮД прародину, расширяется до размеров едва ли не всей Южной Азии.

Поэтому в поисках прародины центрально-южных дравидов мы будем в большей мере полагаться на данные о знакомстве древних носителей ЦЮД языка с местной флорой, что позволяет говорить о несколько более узкой, хотя все же достаточно обширной территории. Можно ли ее еще более сузить? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к ЦЮД земледельческой терминологии, анализ которой позволяет в определенной мере использовать все преимущества комплексного лингвоархеологического метода.

Можно говорить о существовании следующих ЦЮД названий культурных растений: *vari — 'рис' [5265]; *kural — 'просо' [2163]; возможно, *coN — 'сорго' [2893]; *urunt — 'маш' [690]; *ko| — 'долихос двукветковый' [2153]; *nū — 'кунжут' [3720]; *paŋˀt — 'хлопчатник' [3976]; *vaŋk — 'баклажан' [5301]; *pur — 'тыква' [4332]; *ust — 'финиковая пальма' (культурная или дикая) [620] и, вероятно, *tuŋ/*tug — 'кайян' [3353]. Кроме того, для более раннего общедравидийского (ОД) уровня реконструируются названия каких-то культурных злаков (*alˀk ~ *aŋˀk [379], *kul [1906]), которые можно связать с пшеницей и/или ячменем. Нет оснований сомневаться, что накануне распада носители ЦЮД языка выращивали и эти растения. Все это наряду со специальным словом для рисового поля (*vaŋal [5258]) и рядом названий для пахотных орудий (*meŋi [5097], *kaŋu [1505]) позволяет говорить об относительно высоком уровне развития земледелия у носителей единого ЦЮД языка в период, относящийся приблизительно к началу II тыс. до н. э.

Кроме того, в совокупности с имеющейся археологической информацией полученные данные о ЦЮД культурных растениях позволяют судить и о территории, где мог сложиться этот земледельческий комплекс. Прежде всего отметим, что последний состоял из трех разнородных компонентов с разными экологическими характеристиками и разным происхождением²⁶. Пшеница и ячмень проникли в Южную Азию в глубокой древности из районов Среднего Востока, где их разведение находилось в прямой зависимости от зимних осадков. В современной Индии пшеницу и ячмень также разводят только в зоне зимних дождей, ограниченной на юге долиной р. Кришны. Следовательно, земледельческое освоение Южной Индии требовало значительного изменения состава культурных растений; оно могло происходить только в условиях выращивания культурных растений летнего вегетационного цикла, приспособленных к летним дождям. Среди местных индийских растений к таковым относятся главным образом рис, гречка ямчатая, маш, долихос двукветковый, кунжут и некоторые другие виды. Кроме того, теми же свойствами обладают сорго

²⁵ *Allchin F. R.* Early domestic animals in India and Pakistan // *Domestication and exploitation of plants and animals*. L., 1969; *Meadow R. H.* Prehistoric subsistence at Balakot: initial consideration of faunal remains // *SAA*. 1977. Naples, 1979. V. 1; *Sankalia H. D.* Prehistoric art in India. New Delhi, 1978; *Clason A. T.* Archaeozoological study in India // *SAA*. 1973. Leiden, 1974; *Mehta R. N.* Some rural Harappan settlements in Gujarat // *Harappan civilization...*; *Agrawal D. P.* The archaeology of India. L., 1982; *Badam G. L.* Holocene faunal material from India with special reference to domesticated animals // *Animals and archaeology: 3. Early herders and their flocks*. Oxf., 1984; *Thomas P. K.* The faunal background in the chalcolithic culture of Western India // *Animals and archaeology...*

²⁶ *Hutchinson J.* India: local and introduced crops // *The early history of agriculture*. L., 1976.

и разнообразные виды проса (раги, жемчужное просо), завезенные в Индию из Африки.

В настоящее время земледелие Южной Индии основывается преимущественно на выращивании риса, проса и сорго. Поэтому в свете приведенных выше лингвистических данных вопрос о пространственно-временных параметрах формирования этого сельскохозяйственного комплекса имеет принципиальное значение для локализации ЦЮД прародины.

Как бы ни решался вопрос о происхождении культурного риса, ясно, что первичный рисоводческий очаг включал восточные районы Индии, однако его западный рубеж проходил не далее средней части долины Ганга²⁷. И действительно, древнейшие данные о рисоводстве в Индии были обнаружены недавно на нескольких неолитических памятниках, расположенных в среднем течении Ганга, где рисоводство возникло не позднее среднего голоцена²⁸ (см. карту). В северных и западных районах Индии рисоводство возникло позднее: в Джамна-Гангском междуречье — к концу III тыс. до н.э.²⁹ (слои культуры охристой керамики в Атранджикхере), в Юго-Восточном Раджастане — во второй половине III тыс. до н.э. (культура ахар или банас, в поселке Ахар), в Саураштре — к концу III — началу II тыс. до н.э. (позднехарапские поселки Лотхал и Рангпур). На плато Малва в среднем течении р. Нармада рисоводство появилось во второй четверти II тыс. до н.э. (энеолитические поселки Каятха и Навдатоли), а в Западной Махараштре — в течение второй половины II тыс. до н.э. (энеолитические поселки Инамгаон и Даймабад)³⁰. Таким образом, создается впечатление, что рисоводство распространялось по Индии из своего первичного очага вначале вверх по долине Ганга вплоть до западных районов Уттар-Прадеша, а затем на юго-запад по восточному Раджастану до восточных районов Гуджарата и западных пределов Мадхья-Прадеша, откуда оно в свою очередь распространилось двумя путями: во-первых, на восток вверх по долине р. Нармада, во-вторых, на юг по территории Махараштры.

Рассмотрим теперь ситуацию с сорго и просянными культурами. К сожалению, в энеолитических памятниках их находки редки и имеющаяся информация далеко не полностью отражает объективную картину. Известно, что уже во второй четверти II тыс. до н.э. сорго или джовар (*Sorghum* sp.) разводили в Северном Белуджистане (Пирак)³¹ и, возможно, в некоторых районах Западной Индии³². Ясно, что впервые сорго должно было появиться в Южной Азии задолго до этого времени. Но когда это могло произойти? Родиной сорго является Африка, где его domestикация могла совершиться в IV тыс. до н.э. Во всяком случае, в середине III тыс.

²⁷ Watabe T. Origin and dispersal of rice in Asia // East Asian Cultural Studies. Tokyo, 1985. У. 24. № 1—4.

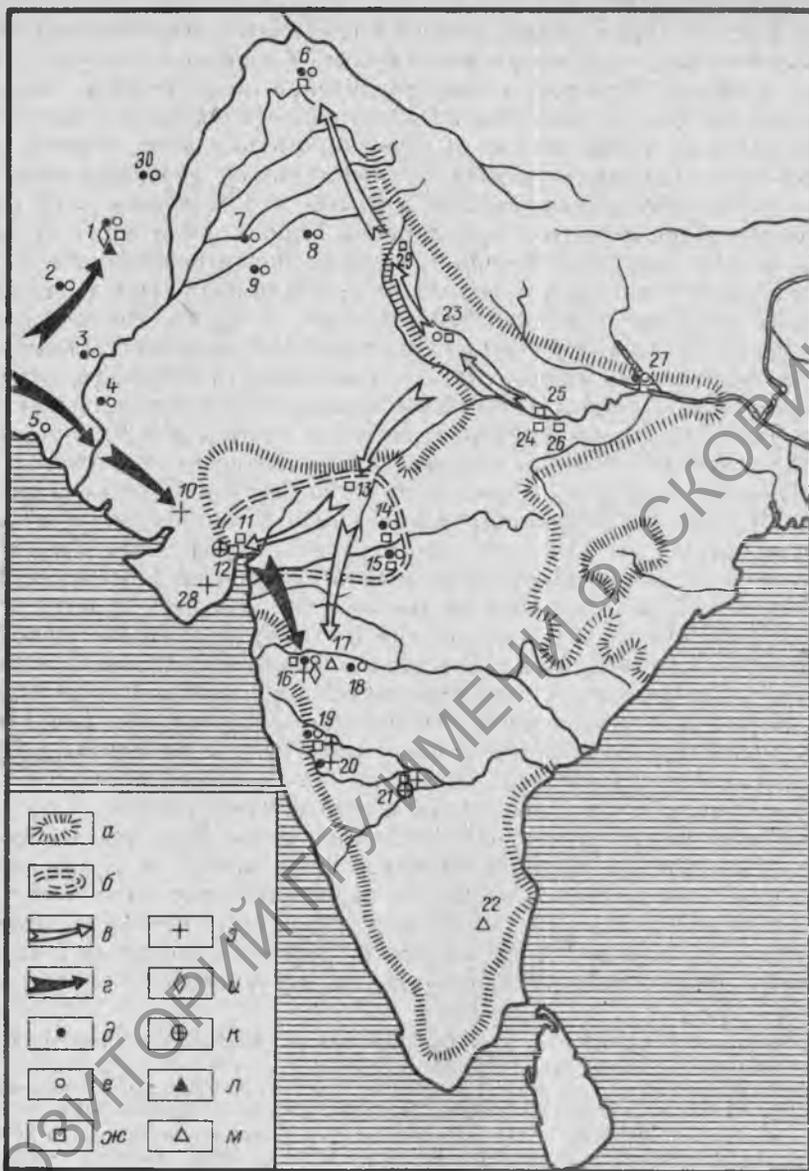
²⁸ Vishnu-Mittre, Шарма К. А. Производство продуктов питания в неолите — халколите в Восточном Уттар Прадеше // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л., 1984.

²⁹ Здесь даются калиброванные радиоуглеродные даты. О методике калибровки см. Klein L. et al. Calibration of radiocarbon dates // Radiocarbon. 1982. V. 24. № 2. Так как именно калиброванные даты соответствуют реальной календарной хронологии, только их, а не простые радиоуглеродные даты следует сопоставлять с глоттохронологической шкалой.

³⁰ Kajale M. D. On the botanical findings from excavations at Daimabad a Chalcolithic site in Western Maharashtra, India // Current Science. 1977. V. 46. № 23, Vishnu-Mittre. Origin and history...; Vishnu-Mittre, Savithri. Food economy of the Harappans // Harappan civilization...; Kajale M. D. Plant economy // Dhavalikar M. K., Sankalia H. D., Ansari Z. D. Excavations at Inamgaon. Pune, 1988. V. 1. Pt. 2. P. 735.

³¹ Costantini L. Palaeoethnobotany at Pirak: a contribution to the 2nd Millennium B. C. agriculture of the Sibi-Kacchi plain, Pakistan // SAA. 1979. В. 1981.

³² Интересная находка сорго, сделанная в Ахаре (Раджастан), к сожалению, имеет дискуссионную датировку. Ср. Sankalia, Deo, Ansari. Excavations at Ahar: Vishnu-Mittre. Origin and history... P. 33; idem. The beginnings of agriculture. Paleobotanical evidence in India // Evolutionary studies of world crops. Camb., 1974.

Карта. Гипотетическая прародина центрально-южных дравидов и древнейшие находки культурных злаков в Южной Азии: а — современный ареал тропических сухих листопадных лесов; б — гипотетическая ЦЮД прародина; е — пути распространения древнейшего рисоведства; з — путь распространения африканских культурных злаков; д — древнейшие находки зерен пшеницы; е — древнейшие находки ячменя; ж — древнейшие находки риса; з — древнейшие находки раги; и — древнейшие находки сорго; к — древнейшие находки жемчужного проса; л — древнейшие находки проса обыкновенного; м — древнейшие находки гречки ямчатой.

1 — Пирак; 2 — Мехргарх; 3 — Мохенджо-Даро; 4 — Чанху-Даро; 5 — Балакот; 6 — Бурзахом и Семтхан; 7 — Хараппа; 8 — Банавали; 9 — Калибанган; 10 — Суркотада; 11 — Лотхал; 12 — Рангпур; 13 — Ахар; 14 — Каитха; 15 — Навдатоли; 16 — Даймабад; 17 — Неваса; 18 — Апегаон; 19 — Инамгаон; 20 — Сонеган; 21 — Халлур; 22 — Пайампалли; 23 — Атраджикхера; 24 — Махагара; 25 — Каушамби; 26 — Колдихва; 27 — Чираид; 28 — Орил Тимбо; 29 — Хулас; 30 — Таракаи Кила

до н.э. сорго, полученное, безусловно, из Африки, уже выращивали на территории Омана ³³.

Этот факт вызывает особый интерес в связи с тем, что Оман играл важную роль в качестве промежуточного пункта транзитного обмена, существовавшего между Шумером и древнеиндийской цивилизацией. Не повторяя известные факты, получившие достаточное освещение в литературе, укажем лишь на новые данные об участии Омана в этом обмене: это — специфическая керамика, печати с характерными изображениями зебу и кости самих зебу, обнаруженные в Омане ³⁴. К такого рода фактам надо, безусловно, отнести и появление в Южной Азии сорго и других африканских культурных растений, которые могли разводиться в Индии во II тыс. до н.э. лишь в том случае, если они попали сюда в период существования древнеиндийской цивилизации, т. е. во второй половине III тыс. до н.э., так как с упадком раннегородской культуры долины р. Инда связи с областями Персидского залива надолго прервались ³⁵.

Как ни малочисленны имеющиеся данные, сейчас есть основания полагать, что и другие африканские растения проникли в Южную Индию тем же западным путем не позднее сорго. Древнейшие находки зерен раги (*Eleusine coracana*) происходят из нескольких позднехарапских поселков Гуджарата (Суркотада, Ория Тимбо), где они датируются первой четвертью II тыс. до н.э. ³⁶, а во второй четверти II тыс. до н.э. этот вид проса уже выращивали обитатели Махараштры (поселение Инамгаон). К третьей четверти того же тысячелетия относятся данные о выращивании раги в Карнатаке (поселение Халлур), причем они происходят из слоя, в котором заметны явные влияния более северных энеолитических культур ³⁷. Следовательно, имеются основания говорить о распространении раги в Северо-Западной Индии уже в первой половине II тыс. до н.э. Поэтому можно считать, что и раги начали разводить в Южной Азии к рубежу III—II тыс. до н.э.

Менее удовлетворительны данные о другом африканском злаке — пеннисетуме или жемчужном просе (*Pennisetum typhoideum*), наиболее древние находки зерен которого в Рангпуре и, возможно, в Ахаре пока что датируются относительно поздним периодом — последней четвертью II тыс. до н.э. Впрочем, керамика, на которой были встречены отпечатки этих зерен, по мнению Х. Д. Санкалия, является интрузией из вышележащих слоев и, следовательно, должна датироваться еще более поздним временем ³⁸.

³³ Cleuziou S., Costantini L. Premiers éléments sur l'agriculture protohistorique de l'Arabie Orientale // *Paleorient*. 1980. V. 6.

³⁴ Hoch E. Reflections on prehistoric life at Umm an-Nar (Tropical Oman) based on faunal remains from the third Millennium B. C. // SAA. 1977. Naples, 1979. V. 1; Weisgerber G. Makan and Meluhha — third Millennium B. C. copper production in Oman and the evidence of contact with the Indus valley // SAA. 1981. Camb., 1984; Blackman M. J., Mery S., Wright R. P. Production and exchange of ceramics on the Oman Peninsula from the perspective of Hili // *Journal of Field Archaeology*. 1989. V. 16. № 1. P. 74; Cleuziou S. Oman Peninsula and its relations eastward during Third Millennium // *Frontiers...*; Jarrige J.-F. Continuity and change in the North Kachi Plain (Baluchistan, Pakistan) at the beginning of the Second Millennium B. C. // SAA. 1983. Naples, 1985. V. 1. P. 58, 59; Cleuziou S., Vogt B. Tomb A at Hili Ner'h (United Arab Emirates) and its material connections to Southeastern Iran and the Greater Indus Valley // *Ibid.* P. 249—277.

³⁵ Cleuziou S., Costantini L. Premiers éléments sur l'agriculture protohistorique de l'Arabie Orientale // *Paleorient*. 1980. V. 6.

³⁶ Savithri R., Vishnu-Mittre. Further contribution on prehistoric ragi — Eleusine coracana Gaerth // *The Palaeobotanist*. 1979. V. 26. № 1; Rissman P. The Oriyo test excavation and the end of the Harappan tradition in Gujarat // SAA. 1983. Naples, 1985. V. 1. P. 347 f.

³⁷ Nagarnja Rao M. S. Prehistoric culture on the Tungabhadra valley. Dhawar, 1971; Nagarnja S. Radiocarbon dates and the Neolithic culture of South India // *Radiocarbon and Indian Archaeology*. Bombay, 1973. P. 77; Kajale. Plant economy. P. 762.

³⁸ Sankalia, Deo, Ansari. Excavation at Ahar.

Лучше обстоит дело с другим африканским растением — лобией (*Dolichos lablab*), древнейшее разведение которого зафиксировано в Западной Махараштре в самом нижнем слое Даймабада, предшествующем появлению там позднехараппской керамики. Этот слой датируется временем не позднее конца III тыс. до н.э.³⁹ Известны и другие находки лобии, но относящиеся уже ко второй половине II тыс. до н.э. (слои IV—V Даймабада, а также в поселках Анегаон и Инамгаон, тоже расположенных в Западной Махараштре).

Как ни скудны приведенные данные, связанные не столько с объективной картиной, сколько с пока еще крайне малочисленными палеоботаническими коллекциями, все же по ним можно предполагать, что африканские просяные культуры и сорго достигли пределов Индии к рубежу III—II тыс. до н.э. Впрочем, в Индии имелись и свои виды проса, которые могли уже использоваться местным населением. Так, наряду с раги в позднехараппских поселках Гуджарата обнаружены зерна щетинника (*Setaria* sp.), которыми, возможно, кормили птиц⁴⁰. В настоящее время помимо других видов культурного проса в Южной Индии разводят местную гречку ямчатую (*Paspalum scrobiculatum*), самые ранние остатки которой зафиксированы во второй четверти II тыс. до н.э. в Махараштре (Неваса) и Тамилнаде (Паямпалли). Возможно, ее знали и ранние обитатели Ахара в Юго-Восточном Раджастане.

Как бы то ни было, изложенные данные дают полное основание предполагать, что на рубеже III—II тыс. до н.э. обитатели некоторых западных областей Индии и Южного Пакистана были знакомы с просянными культурами и, видимо, с сорго⁴¹. На востоке очерченной территории в этот же период появился рис. Следовательно, районы Саураштры, Юго-Восточного Раджастана и, возможно, западная окраина Мадхья-Прадеша являются единственной в Южной Азии областью, где на рубеже III—II тыс. до н.э. в пределах СТЛ наряду с пшеницей и ячменем началось разведение риса и просяных культур. По рассмотренным параметрам именно эти районы наиболее претендуют на то, чтобы считаться исходной территорией расселения центрально-южных дравидов. Не противоречат ли этому другие данные о ЦЮД культуре, реконструируемые лингвистически?

Выше указывалось, что среди растений, известных центрально-южным дравидам, фигурировали какие-то виды маша (*Phaseolus mungo*, *Ph. radiatus*). Маш — бобовое растение, широко представленное в дикой флоре Индостана. Интересно, что древнейшие данные о его разведении происходят не из Синда, а из позднехараппских поселков Харьяны (Банавали, Даулатпур), где он был введен в культуру во второй половине III тыс. до н.э. Возможно, что в это же время или чуть позже маш появился в предхараппском поселке Даймабад в Западной Махараштре. Позднее, начиная со второй четверти II тыс. до н.э., разновидности маша (урд, мунг) выращивались уже во многих районах Индии: в Кашмире (Семтхан), на плато Мавья (Навдатоли), в Западной Махараштре (Даймабад, Инамгаон, Неваса, Анегаон)⁴².

³⁹ Так датируются находки лобии, сделанные в Даймабаде во второй половине 70-х годов. См. *Sali S. A. The Harappans of Daimabad // Harappan civilization... В предшествующие сезоны работ лобии в самых ранних слоях обнаружить не удалось. См. Kajale. On the botanical findings...; Vishnu-Mittre, Savithri. Food economy...*

⁴⁰ *Vishnu-Mittre, Savithri R. Setaria in ancient plant economy of India // The Palaeobotanist. 1978. V. 25; Rissman. The Oriyo test... P. 348.*

⁴¹ *Щетинко А. Я. Первообытный Индостан. Л., 1979. С. 132; Vishnu-Mittre, Savithri. Food economy... P. 215.*

⁴² *Sankalia H. D. The prehistory and protohistory of India and Pakistan. Poona, 1974. App. 1; Kajale. On the botanical findings...; idem. Ancient grains from excavation at Nevasa, Maharashtra // Geophytology. 1977. V. 7. № 1; Deo S. B., Dhavalikar M. K.,*

Наряду с машем бобовое растение долихос (*Dolichos biflorus* или *D. uniflorus*) был окультурен в Индии. Его древнейшие находки происходят из самого раннего слоя Даймабада, где они встречаются наряду с лобией. Позднее в течение энеолита долихос стал одним из типичных культурных бобовых как в Махараштре, так и в более южных районах плато Декан.

Хараппы, безусловно, разводили финиковую пальму (*Phoenix dactylifera*) в долине Инда, о чем свидетельствуют находки косточек финика и изображения финиковой пальмы на посуде⁴³. Дикая финиковая пальма (*Ph. sylvestris*) росла в Индостане в зоне СТЛ, и с ней были знакомы энеолитические обитатели как на плато Малва (Навдатоли), так и Западной Махараштры (Инамгаон). Поэтому нет ничего удивительного в том, что ее знали и центрально-южные дравиды, хотя остается неясным, относится ли соответствующее слово к дикой или уже окультуренной финиковой пальме.

Кунжут встречается в диком виде практически повсюду в зоне СТЛ в Индии. Его древнейшая и единственная археологическая находка была сделана в Хараппе, и предполагают, что во второй половине III тыс. до н.э. хараппы уже могли поставлять его в Месопотамию⁴⁴. Во всяком случае, к концу III тыс. до н.э. он мог быть известен многим энеолитическим земледельцам Западной и Центральной Индии. Отсутствие здесь его древних находок говорит лишь о недостаточной изученности местной палеоботанической обстановки. То же самое касается и хлопчатника, следы которого пока что крайне скудно представлены в палеоботанических коллекциях. Тем не менее известно, что его разведение возникло в Центральном Белуджистане (Мехргарх) еще в V тыс. до н.э.; он был известен хараппцам (Мохенджо-Даро), а во второй половине II тыс. до н.э. хлопчатобумажные нити использовались энеолитическими земледельцами Махараштры (Неваса).

Из диких тыквенных в засушливых районах Индии известен арбуз-колоцинт (*Citrullus cf. colocynthis*). Находки его остатков пока еще немногочисленны. Наиболее ранние из них относятся ко второй четверти II тыс. до н.э. и происходят из Северного Белуджистана (Пирак) и с плато Малва (Навдатоли). Баклажаны (*Solanum melangena*), как давно установлено ботаниками, происходят из Индии. Однако их остатки быстро поддаются гниению и ожидать их находок на археологических памятниках пока что не приходится⁴⁵. Следовательно, в данном случае лингвистические данные (см. выше) обогащают имеющиеся сведения о хозяйстве древних обитателей Индии.

Менее надежен реконструированный термин для кайяна (*Cajanus cajan*). Древнейшие находки остатков этого растения в Индии относятся пока что лишь к последним векам I тыс. до н.э.⁴⁶, но оно могло быть известно местным обитателям и много раньше, так как является исконно индийским⁴⁷.

Ansari Z. D. Apegaon excavations. Poona, 1979; *Vishnu-Mit're, Savithri.* Food economy...; *Dhaavalikar.* Toward an ecological model...; *Lone F. A., Khan M., Buth G. K.* Plant remains from Banawali, Haryana // *Current Science*. Bangalore, 1987. V. 56 № 16. P. 837.

⁴³ *San'alia.* The prehistory and protohistory... App. 1; *idem.* Prehistoric art in India. New Delhi, 1978. P. 16.

⁴⁴ *Bedigian D., Harlan J. R.* Evidence for cultivation of sesame in the ancient world // *EB*. 1986. V. 40. № 2.

⁴⁵ В последние годы остатки баклажанов были как будто обнаружены в Иннамгаоне. См. *Kajale.* Plant economy. P. 774.

⁴⁶ *Kajale.* Ancient grains...

⁴⁷ *Veron Royes W.* Pigeon pea (*Cajanus cajan*) // *Evolution of crop plants*. L., 1976. P. 153—155.

Итак, имеющиеся сведения о культурной флоре центрально-южных дравидов не только не противоречат археологическим и ботаническим данным о характере земледелия в западных районах Центральной Индии на рубеже III—II тыс. до н.э., но подтверждают и даже обогащают их новой дополнительной информацией. Взятые в комплексе, все эти данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития ЦЮД земледелия. Ведь наличие разнообразных растений как зимнего, так и летнего вегетационных циклов позволяло снимать по два урожая в год, и центрально-южные дравиды, безусловно, этим пользовались. Кроме того, весьма важными представляются ЦЮД термины для пахотных орудий, наличие которых позволяет решить весьма спорный вопрос о времени появления пахотных орудий на территории Индии⁴⁸. Археологические данные об этом пока что немногочисленны: это находка вспаханного участка в Калибангане (Северный Раджастхан), датированная второй половиной III тыс. до н.э., и обнаруженная недавно глиняная модель рала из поселка Джаваивала того же периода⁴⁹. Наряду с лингвистическими данными эти находки позволяют говорить о том, что к концу III тыс. до н.э. ранние земледельцы долины Инда и западных районов Индии уже широко использовали пахотные орудия.

Помимо земледелия, центрально-южные дравиды занимались и скотоводством, о чем говорят восстанавливаемые три названия для крупного рогатого скота (*kūli ~ *kōgi [1917 + 2256]; *koC- [2216 + 2212]; *muri [5041]), причем одно из них, видимо, связано с буйволом, и название для свиньи — *paŋgi [4039]. Кроме того, они, безусловно, знали мелкий рогатый скот и собак, названия для которых реконструируются на общедравидском уровне. Весь этот список практически полностью соответствует палеозоологической информации о скотоводстве в северо-западных районах Южной Азии в III—II тыс. до н.э. И создатели харапской цивилизации, и обитатели энеолитических поселков Центральной Индии и Махараштры разводили мелкий рогатый скот, зебу, буйволов, свиней и держали домашних собак⁵⁰.

К сожалению, пока не удается сколько-нибудь детально описать другие сферы ЦЮД культуры, исходя из лингвистических данных. Ясно, что носители ЦЮД языка имели искусственные жилища (*paŋt [3922] и др.) с очагами (*sul- [2857]), обладали средствами водного транспорта (*ōtam — 'лодка' [1039]), использовали лук со стрелами (*amru — 'стрела' [178]), занимались металлургией (*kol — 'кузнец', 'кузница', 'ковать' [2133]). В целом весь этот культурный набор не противоречит тому, что в настоящее время известно об обитателях северо-западных районов Индии III—II тыс. до н.э. по археологическим данным. Лук со стрелами появился здесь по крайней мере в мезолите и был хорошо известен как харапцам, так и обитателям энеолитических поселков Центральной Индии. И те и другие знали лодки и занимались металлургией. Правда, скудный набор терминов для искусственных построек кажется странным для харапцев, у которых имелись города с развитым и многообразным строительством. Однако в сельских поселках Гуджарата, принадлежащих юго-восточным харапцам, а также у энеолитических земледельцев в Центральной Индии и Махараштре имелись более примитивные круглые или прямоугольные жилища столбовой конструкции, стены которых

⁴⁸ Щетенко. Ук. соч. С. 175 сл.; Dhavalikar. Toward an ecological model... P. 140.

⁴⁹ Thapar B. K. New traits of the Indus civilization at Kalibangan: an appraisal // South Asian Archaeology. L., 1973. P. 89; Weiner S. Hypotheses regarding the development and chronology of the art of the Indus Valley civilization // Frontiers... P. 398. Pl. 188.

⁵⁰ Allchin. Early domestic animals...; Clason. Archaeozoological studies...; Thomas. The faunal background...; Badam. Holocene faunal material...

возводились из обмазанной плетенки. Видимо, с этими жилищами и связана ЦЮД терминология, что лишний раз подтверждает правильность предложенной выше пространственной локализации ЦЮД прародины.

Обратимся теперь к проблеме внешних связей ЦЮД языков. Лингвистические данные свидетельствуют о том, что накануне распада центрально-южные дравиды контактировали с какой-то группой, говорившей на одном из сино-тибетских языков⁵¹, у которых они заимствовали такие слова, как *cuŋ — 'юба' [2730]; *uāna — 'слон' [5161]; *kilj — 'попугай' [1584]; *puŋ — 'тигр' [4307]; два названия для крупного рогатого скота: *kūlj ~ *kōri [1917 + 2256] и *muri [5041]; а также название риса — *vari [5265]. Несмотря на свою очевидную скудость, эта информация представляет большой интерес, в частности для древнего ареала распространения различных сино-тибетских групп.

Судя по приведенным данным, какие-то группы сино-тибетцев должны были обитать в лесной зоне, с которой в Южной Азии связаны ареалы тигров, слонов и попугаев. Особенно интересно в этой связи слово для обозначения риса. Выше указывалось, что рисоводство проникло в западные районы Индии при посредничестве создателей культуры охряной керамики, которая локализовалась в основном в Джамна-Гангском междуречье. К сожалению, эта культура до сих пор изучена весьма слабо, и вопрос об этнической принадлежности ее создателей открыт (их связывали с ариями, хараппцами, мунда, некоторыми группами дравидов)⁵².

Существенным представляется тот факт, что в ЦЮД лексике, по всей видимости, нет индоарийских заимствований. Следовательно, распад ЦЮД языка никак не связан с появлением древних арьев на территории Южной Азии. Да и по приведенной выше хронологии он произошел задолго до их проникновения в Южную Азию.

В заключение отметим, что выявленная территория распада ЦЮД общности является, судя по археологическим данным, тем местом, где сформировались известные энеолитические культуры Центральной Индии⁵³. К сожалению, самые ранние этапы развития этих культур, представленные в поселках Каяхта, Ахар и т. д., изучены еще крайне слабо. Нет и полной ясности в вопросе о характере преемственности между ними, хотя некоторые археологические материалы позволяют предполагать, что такая преемственность имела место. Во всяком случае, и по чисто археологическим источникам можно говорить о существовании некоторой культурной общности в Юго-Восточном Раджастане, Восточном Гуджарате и Западном Махья-Прадеше на рубеже III—II тыс. до н. э. На протяжении II тыс. до н. э. эта область служила центром расселения энеолитических земледельцев как на восток (вверх по течению р. Нармада), так и на юг (по Западной Махараштре), что полностью соответствует лингвистическим данным о распаде ЦЮД общности.

И. И. Пейрос, В. А. Шнирельман

⁵¹ На возможность дравидо-сино-тибетских связей наше внимание впервые обратил Н. В. Гуров, который подобные связи трактует несколько по-иному.

⁵² *Heine-Geldern R.* New light on the Aryan migration to India // *Bulletin of the American Institute for Indian Art and Archaeology.* 1937. V. 5. P. 7—16; *Wheeler M.* Prehistoric India. L., 1950. P. 238; *Lal B. B.* Further copper hoards from the Gangetic basin and a review of the problem // *Ancient India.* 1951. № 7. P. 38—39; *Бонгард-Левин Г. М., Деоник Д. В.* К проблеме происхождения народов мунда // СЭ. 1957. № 1; *Parpola A.* On the prehistory of the Indian languages in the light of archaeological, linguistic and religious evidence: an attempt at integration // *SAA.* 1973. Leiden, 1974; *Шнирельман В. А.* Медные топоры из Ханси и некоторые спорные проблемы индийской археологии // СА. 1989. № 2.

⁵³ *Dhavalikar.* Toward an ecological model... Отметим, что на карте расселения древних дравидийских групп, приведенной в указанной статье Г. М. Бонгард-Левина и Н. В. Гурова, плацдарм, где зародилась «вторая волна» дравидской иррадиации, также размещен в этом районе, хотя авторы не аргументируют эту локализацию.

SEARCHING FOR THE DRAVIDIAN LAND OF ORIGIN
(A LINGUISTIC-ARCHAEOLOGICAL ANALYSIS)

J. I. Peiros, V. A. Shnirelman

This article examines the origin of the central and Southern Dravidians. It undertakes the complicated linguistic-archaeological analysis, offering a comparison of cultural data which have been obtained through linguistic and archaeological methods independently. The linguistic reconstruction of the environment (the fauna and flora) of the region inhabited by these people, as well as of the peculiarities of their farming and stock breeding methods, being compared with the archaeological data, allows us to locate their supposed land of origin in South-Eastern Radjastan, Eastern Gudjarate, and Western Madja Pradeshe. These are the very regions, where, after the 3d — 2nd millennium B. C. (the glotto-chronological date for the beginning of the disintegration of the centro-southern community) the neolithic cultures of Central India, were first established. It seems that their founders were these very central-southern dravids.
